ПОЛОВИК, УТЫКАННЫЙ ИГЛАМИ

Мать половик убирает с порога...
Не половик, а тряпица для игл –
в радугу эту натыкано их
столько, что ёж молока бы не трогал.

Сыплет ненастье. Крадётся хвороба.
И за порогом размыта стезя.
Мать половик убирает с порога.
Хватит. Намыкались. Больше – нельзя.

Сын, сокрушённый ветрами Босфора,
бродит – с одышкою, пишет – едва.
Мать, половик убирая, права:
сколько под ним ядовитого сора!

Чёрная магия ткёт суеверья.
Мать, половик беспросветный сверни,
чтоб за дверями стоящее время
больше не прятало ноги свои.

Редакция журнала «Дон» сердечно поздравляет со знаменательной датой своего постоянного автора Юрия Беликова, чей незаурядный талант признан как большими мастерами поэтического цеха, так и читателями всей России. С днём рождения, дорогой Юрий Александрович, новых Вам прекрасных творений во славу нашей русской литературы!

* * *

И в зыбкий час он в небо посмотрел:
– Возьми мой дар! Но отдали предел
для матери. Возьми же, как ясак,
и взвесь мой дар на облачных весах.
И весовщик мольбе истошной внял:
– Окончен торг! – и дар сыновний взял.
И нить в иглу опять вдевает мать…

Когда же сын пытается слагать
какой-нибудь приснившийся мотив
и гонит прочь, ни фразы не сложив,
вмиг из иглы выскальзывает нить,
и мать не в силах кашель заглушить,
и слышит сын, как гири в небесах
переставляет кто-то на весах.

СГОВОР ПТИЦ

Хлебную корку иль голову рыбью
чайки, почти что касаясь лица,
жрут, что ни кинешь, и только не выпьют
небу подставленных глаз подлеца.

Стихнет базар между твердью и зыбью.
Снизится ворон до злачных высот.
– Ты-то хоть, гадина, выпей!
– Не выпью! –
каркнет и падаль в лазурь унесёт.

МАГИЯ ВЕЩЕЙ

Я не колдун, но в магии предметов –
колец, иголок, блюдечек, ножей –
я различаю некую примету
для тайного сближения людей.

У вас один, а у меня два дома.
И на брелке – два слившихся ключа.
Три оборота – стрелы Купидона.
Один щелчок – забвения свеча.

Из дома в дом надтреснутую чашку
перенесу от матери тайком,
чтоб мой отец, несведущий и тяжкий,
её наполнил сумрачным чайком.

Зову на помощь гвозди и подковки,
напёрстки, пряжки, пуговицы, йод…
Дом материнский сделался отцовским,
и не понять, кто где теперь живёт.

И слепит сыну матушка пельмени,
но их отец хворающий поест.
А я поймаю матери тайменя
на ту блесну, что выточит отец.

СОТВОРЕНИЕ НИМБОВ

Я не письма шлю, а нимбы.
Ходят люди, а над ними –
два пространства, слоя два.
Первый их не замечает,
но второй души не чает,
это чует голова.

Как внутри огромной капли,
чей-то лик живёт – не так ли? –
и проносит над собой
в инфракрасном ополченьи,
нет, не Шамбалы свеченье –
сизый воздух чусовской.

Это я стою на бреге,
где набеги и побеги
перепутали траву,
и от памяти зависим,
не пишу давно уж писем –
нимбы нежные творю.

Пусть вас нет уже в пространстве,
но в пречистом чусовлянстве,
как и прежде, видят вас.
В этой жизни, в этой смерти,
если нимб тебе не светит,
не спасёт противогаз.

* * *

Истончилась плащаница
между Господом и нами.
Скоро гнев Его пролиться
должен зрячими дождями.
Небо – ветхая копирка:
что – с изнанки, то снаружи.
Божье слово или дырка
пропечатается в луже?
Вену синюю истыкав,
не попасть иглою в небо,
чтоб хоть кубик чистых бликов
удержал бы сроки гнева.
Всем воздастся по износу
ткани Господа над ними.
Поздно вспыхивают осы
на моем протёкшем нимбе!..
Расползётся плащаница,
чтобы заново соткаться.
Божье слово отдалится,
чтобы вновь не отдаляться.

* * *

От меня уходит мастерство,
но не окликаю я его,
пусть оно, постылое, уходит,
я с ним, други, больше не в родстве,
о, не упрекайте в мастерстве,
да ещё при всём честном народе!

Кто же мне отныне сват и кум?
Может, окаянный Аввакум,
гиблый ли Высоцкий – я не знаю,
знаю лишь: коль я не так живу,
тотчас прибегаю к мастерству,
но ведь есть же дни: не прибегаю!

Значит, в эти редкостные дни –
Боже их спаси и сохрани! –
ни единой мыслью, ни поступком
не смутил творения творец
и без страха выпил наконец
яд из приготовленного кубка.

Только в человечьих языках,
даже если взбить их звонкий прах,
не найти ни слова, ни намёка
на туманный помысел о том,
что же брезжит там, за мастерством,
не найти, но это лишь до срока.

МАЛЬЧИК НА БАЛКОНЕ

Где ты, мальчик, на балкон выходящий,
напряжённо глядящий во тьму?
Если б видел ты, глядящий, хотящий
разглядеть её (скажите ему,
чтобы он не глядел, а иначе
он, того гляди, разглядит
тот балкон, на котором не мальчик,

а шарманщик, шаромыжник, спирит,
что во тьме, их распирающей, шарит
взглядом судорожным, стремясь
разглядеть: а кто же не разрешает
разорвать со светом истины связь?),
если б мальчика того разглядел он,
если б мальчик тот его разглядел,
всяк, своим ошеломлённый пределом,
не преминул бы ступить за предел,
поелику же не только синхронно
можно плавать, но в бездну шагать, –
они бросились бы разом с балкона,
чтобы з*а* ворот друг друга поймать.

УШИ АРАПТАНОВА

Чтоб описать мне уши Араптанова,
мне голос его нужно описать,
а чтобы вызвать голос его заново,
мне уши надо с голосом связать.

Закатного такого, незакадрового –
про «шёлкову траву, про мураву»,
чтоб уши чистым золотом закладывало,
я более не слышал, сколь живу.

Со сцены со студенческой без устали
мог так он изливаться, что уже
Россия своё полное Алсутствие
на нонешнем встречала рубеже.

Роптали мы тогда на Араптанова:
мы учимся, а он-то лишь поёт!
Но выучился он – из богоданного:
бюстгалтеры на рынке продаёт!

А из ушей-то – светы, мои светушки! –
волосья, будто заткнутый лоскут…
Про «шёлкову траву» не пойте, детушки,
а то травою уши зарастут.

НОМЕР ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

Самая главная бездарь страны
молвила мне: – Нам таланты нужны!
Нету Твардовского. Трифонов помер.
Вам позвонят. Я запомню ваш номер.

И в телефоне моём с той поры
стали поспешно стучать топоры,
начали ветки трещать на огне –
или всё это мерещится мне?

Мой телефон – как река в полыньях:
вынырнет голос тяжёлый – и ах! –
хрипло пресекшись о ранящий лёд,
в тёмную воду обратно уйдёт.

– Так и должно быть, любезный поэт.
Слышишь страну ты? Она тебя – нет?
Это – чтоб денежки ты экономил:
я ведь сказал, что запомню твой номер.

Пусть телефон мой с утра до утра
будут прослушивать из-за бугра
или – пришелец, упавший с Луны,
пусть… Но не бездарь своей же страны.

Не прерывайте последнюю нить!
Дайте с друзьями поговорить.
Я ещё, братцы, покуда живой,
вы ещё номер запомните мой,
я ещё гикну в родимом краю,
мать испечёт золотые блины…

Слушаешь? Слушай, что я говорю,
слушай же, главная бездарь страны!

г. Пермь